

## Анна Желнина

**Mark Solovey. Social Science for What? Battles over Public Funding for the “Other Sciences” at the National Science Foundation. Cambridge, MA: MIT Press, 2020. 408 pp. ISBN 978-0-262-53905-0.**

*Анна Желнина, Университет Хельсинки. Адрес для переписки: University of Helsinki, PO Box 4, Yliopistonkatu 3, 00014, Helsinki, Finland. anna.zhelnina@helsinki.fi.*

Даже аспиранты, подающие заявки на финансирование своих диссертационных исследований по социальным наукам в Национальный научный фонд США (National Science Foundation, NSF), должны написать несколько параграфов об общественной и прикладной значимости планируемых проектов. Обосновать свой проект только значимостью для развития дисциплины – недостаточно. Это требование выросло из сложной социальной и политической истории фонда – основного источника финансирования социальных исследований в США.

Историк Марк Соловей в книге «Social Science for What?» показывает, как управление фондом и его положение в политической системе страны направляли развитие социальных наук и диктовали критерии их научности во второй половине XX века (в книге рассматривается период с момента создания фонда после Второй мировой войны и до окончания президентства Рональда Рейгана в конце 1980-х). И хотя книга посвящена американской политике и американской науке, российским социологам также покажутся знакомыми многие аргументы в дебатах, сопровождавших становление и финансирование социальных наук в США.

Эта книга – историческое исследование переменчивого отношения к финансированию социальных наук в рамках бюрократического гиганта, каким является NSF. Влияние этого фонда на состояние дисциплины даже не с чем сравнить: альтернативных источников финансирования у социальных наук мало, и объемы выделяемых ими средств не сопоставимы с бюджетами NSF. Так что именно NSF на протяжении второй половины XX века задавал правила игры и критерии научности в социальных науках. Соловей прослеживает дискуссии о подходах к финансированию социальных наук и решения фонда в этой сфере на основе архивных данных, стенограмм заседаний и слушаний, внутренних и публичных отчетов, а также публикаций в научных журналах, на страницах которых обсуждались методологические и теоретические требования научности. В десяти главах книги, организованных в основном хронологически, Соловей довольно прямолинейно излагает факты, описывает взаимодействия и решения, которые постепенно затягивали удавку scientизма на шею американских социальных наук.

Изначально NSF задумывался как система поддержки всех фундаментальных исследований в расчете на то, что более глубокое, основанное на научных открытиях понимание мира (в том числе социального) в отдаленной перспективе может привести и к практическим результатам. Социальные науки были включены в число получающих поддержку фонда и практически сразу попали под шквал критики и сомнений, особенно «справа» политического спектра. В анализируемый в

книге период NSF требовал от социальных наук все большей ориентированности на прикладные задачи, а объем выделяемых на это средств постоянно сокращался. Особенно сильно урезала финансирование социальных наук администрация Рейгана, который подал это под соусом заботы о деньгах рядовых налогоплательщиков, хотя на финансирование социальных наук уходит меньше пяти процентов бюджета NSF.

NSF стал важным игроком в дискуссиях о научности, а также в научном «разграничивании» (*scientific boundary work*; также иногда переводится как «пограничная работа» или «производство границ»). Пытаясь балансировать между различными политическими интересами и задачами, фонд уже на ранних этапах принял сциентизм как основную рамку для оценки и поддержки социальных наук. Этот подход предполагал, что к социальным наукам применимы все те же критерии, что и к естественным, хотя они пока и не дозрели до научной строгости и четкости последних. Применение такого подхода привело как к ряду выгод, так и к долгосрочным потерям – в первую очередь для самих социальных наук. Соловей отмечает, что благодаря строгости критериев и непартийности фонда, он ни разу не подвергался критике за поддержку идеологизированных исследований. Американские налогоплательщики могли быть уверены, что финансируется «хорошая», правильная наука, а псевдонаучные и политически опасные теории вроде «расовой науки» национал-социалистов не просочатся в число получающих финансирование. Благодаря принятию сциентистских правил игры и согласию с превосходством естественных наук социальные смогли занять свою нишу в рамках программ поддержки NSF.

В долгосрочной перспективе, однако, это привело к закреплению социальных наук как «второсортных» и к формированию соответствующего отношения к ним среди политиков и общественности. Чтобы получить доступ к финансированию из источников фонда, социальные науки признали свой статус «бедного родственника» и «младшего брата» по отношению к естественным наукам. При этом они потеряли возможность устанавливать свои правила и обсуждать дисциплинарную идентичность без привязки к естественным наукам и их критериям научности на уровне теории, методологии и данных.

Интересно, что попытки создать отдельный фонд для поддержки именно социальных наук тоже предпринимались. Такое положение позволило бы социальным наукам вести свои внутренние дебаты о границах научности, о требованиях к методологии и теории без привязки к «старшему брату» – естественным наукам. В 1960-е годы сенатор Фред Харрис выступил с инициативой создания такого фонда, который бы предоставил социальным наукам свое финансирование и возможность определять стратегию его распределения. Однако эта инициатива не была поддержана. В то же время в Конгрессе США по инициативе члена Палаты представителей Эмилио Даддарио было закреплено требование к NSF сфокусироваться на поддержке прикладных социальных исследований. Эти судьбоносные политические решения описаны в четвертой главе книги.

Партийная политика и дебаты в Палате представителей и Сенате США имели огромное влияние на поддержку и положение социальных наук. В третьей главе

книги Соловей описывает, как национальная политика способствовала увеличению поддержки научных изысканий в 1960-е годы. Запуск Советским Союзом первого спутника подтолкнул США к пересмотру своих подходов к финансированию науки, и при президенте Джоне Кеннеди бюджет на науку был многократно увеличен. В то же время произошел либеральный поворот в настроениях и взглядах: Холодная война и необходимость продуманной социальной политики привели к тому, что и социальным наукам стали уделять больше внимания.

Временное повышение интереса к социальным наукам сменилось критикой со всех сторон к концу 1960-х. Разворачивавшиеся в 1970-е годы дебаты о возможности прикладной социальной науки и о том, должен ли поддерживать именно прикладную науку NSF, – тема пятой главы книги. В этот период все громче звучат голоса критиков, считающих финансирование социальных наук бесполезной тратой денег налогоплательщиков. Интересно, что в конце 1970-х, когда должность директора NSF единственный раз занимал не физик и не биолог, а математический психолог Ричард Аткинсон, было впервые существенно урезано финансирование социальных наук. Мера оставила недовольными всех: сторонники социальных наук были возмущены сокращениями, а критикам его показалось мало. Эти процессы и дебаты – в фокусе внимания автора в шестой главе книги.

Характерно, что в конечном счете отношение к социальным наукам выстроилось четко вдоль партийных линий: демократы подчеркивали их важность, а республиканцы стали основными их критиками. По истории других спорных вопросов и политических решений мы знаем, что такое выстраивание может быть очень опасным и способно привести к радикализации и поляризации взглядов. Яркий пример из другой сферы – судьба поправки о равных правах, принятие которой изначально поддерживали представители обеих партий, включая республиканского президента Ричарда Никсона. Благодаря консервативному активизму внутри республиканской партии и выстраиванию партийных границ по этому вопросу, инициатива провалилась, а вопросы гендерного равенства стали водоразделом между двумя партиями. NSF и его отношение с социальными науками также оказалось под воздействием подобной политизации границ, что в итоге повлияло на то, как социальные науки стали выглядеть в США.

Как провал поправки о равных правах, так и сильное сокращение финансирования и маргинализация социальных наук пришлось на президентство Рейгана. Расцвет консервативного движения и его влияние на положение социальных наук рассматриваются в седьмой главе книги. Под предлогом экономного и ответственного расходования средств налогоплательщиков администрация Рейгана сильно урезала расходы на социальные науки, заодно отметив их политизированный и идеологический характер, и доминирование в них людей с левыми взглядами. Эти решения привели к общему ощущению кризиса.

Как ни парадоксально, но 1980-е годы отмечены как самой мощной атакой на социальные науки, так и впечатляющим движением против принципов сциентизма внутри них. В восьмой главе Соловей рассматривает внутренние процессы в фонде: в это десятилетие его возглавляли физики и инженеры, которые поддерживали критическое отношение Рейгана и его администрации к социальным наукам и

проводили это видение в жизнь, сокращая финансирование и ужесточая к сциентистские требования. «Хардкорное», количественное крыло социальных наук (в первую очередь экономика) почти не пострадало, поскольку считалось, что оно вне идеологии.

В то же время в 1980-е расцвела критика сциентизма, которой посвящена девятая глава. Эта критика подпитывалась из четырех источников: С одной стороны, Новые левые призывали к «реконструктивному знанию», которое поможет изменить общество в соответствии с идеями справедливости, демократии и т. п. С другой стороны, консервативные фонды активно поддерживали исследования, которые подкрепили бы их взгляды на экономику, политику и общество, также ставя под вопрос возможность нейтрального социального знания. С третьей стороны, идеи Томаса Куна о парадигмах и революциях в науке снова актуализировали дебаты о «донаучности», отстающем характере социальных наук. Четвертый источник критики сциентизма – интерпретативистская традиция, ключевой фигурой в которой стал Клиффорд Гирц. Вместо «плохой имитации неправильно понятой физики» (с. 281) в качестве ориентира Гирц призывал к разработке собственной логики социальных наук, соответствующей их специфическому объекту.

NSF со своими «общенаучными» принципами был вынужден защищаться. Особенно трудно ему было справиться с критикой со стороны интерпретативистов, в основном социальных антропологов, которые активно атаковали критерии фонда, например, на страницах журнала «Science». Несмотря на впечатляющие дебаты о методах и принципах социальных наук в этот период, NSF остался неколебим, а новых инициатив создания собственного фонда для социальных наук, как это было в 1960-е, так и не возникло.

Очевидно, что не только в контексте разговора об NSF можно найти такие болезненные обсуждения о границах и идентичности социальных наук. Бои качественников и количественников, интерпретативистов и сциентистов можно обнаружить практически всюду, где обсуждают социальные науки. Однако благодаря исследованию Соловья на примере NSF особенно хорошо видно, как политические интересы и стратегии, внутренняя логика такого крупного политического игрока, как NSF, могут повлиять на состояние дисциплины. Социологам читать эту книгу будет интересно, хотя и болезненно: в ней много знакомых аргументов о недостаточной научности нашей дисциплины и напоминаний о шатком положении социологии, особенно качественной, в системе научного знания. Тем не менее четкое описание вполне конкретных процессов, политических интересов и стратегических решений, которые привели к актуальному положению социальных наук в США, может стать отправной точкой для подобного анализа в других национальных контекстах.